

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

**ЗАСТИГНУТЫЙ
ВРАСПЛОХ**

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Р 39

Ruth Rendell
A GUILTY THING SURPRISED

Copyright © 1970 by Ruth Rendell.
First published by Hutchinson.
The Author has asserted her right to be identified
as the author of the Work

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Ренделл Р.

Р 39 Застигнутый врасплох / Рут Ренделл ; [пер. с англ.
Ю. Гольдберга]. — М. : Эксмо, 2013. — 224 с. — (Millennium.
Английский детектив).

ISBN 978-5-699-61858-3

Элизабет Найтингейл, хозяйка поместья, богатая, красивая и уважаемая в обществе, найдена убитой. Кто же смог поднять руку на женщину, у которой, казалось, не было врагов? Таким вопросом задавался инспектор Вексфорд, начиная расследование. Однако он быстро убедился в том, что дело гораздо сложнее, чем представлялось ему поначалу. Муж Элизабет вполне мог ревновать супругу к потенциальному любовнику; ее брат постоянно выказывал ненависть к сестре, а его жена даже имела заинтересованность в смерти Элизабет — ведь та завещала ей все свои драгоценности. Да и соседи, оказывается, по-разному относились к покойной. Сплошные загадки! Но менее всего инспектор мог представить, что раскрыть тайну смерти Элизабет сможет лишь тот, кто знаком с жизнью и творчеством поэта-романтика Уильяма Вордсворта...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык,
2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-61858-3

*Моему кузену Майклу Ричардсу,
с любовью*

...высокая свобода,
Пред ней же наша смертная природа
Дрожит, как вор, застигнутый врасплох; —
Но ради той, полузабытой,
Той, первой, — как ни назови —
Тревоги, нежности, любви,
Что стала нашим светом...

Уильям Вордсворт¹

¹ Ода «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства». (Перевод Г. Кружкова.)

Глава 1

По утрам, когда Квентин Найтингейл уезжал из дома в Лондон, жена обычно спала. Экономка кормила его завтраком, отпирала входную дверь, подавала шляпу и зонт, а девушка-иностранка, помогавшая по хозяйству, приносила газету. Далее по пути ему встречались два садовника, почтительно приветствовавшие хозяина: «Доброе утро, сэр», а иногда шурин, спешивший укрыться в тишине и покое Старого дома, служившего писателю надежным убежищем. Не хватало лишь Элизабет, но если Квентина это и беспокоило, виду он не подавал. Бодрой, уверенной походкой счастливого человека он шел к машине.

В то утро в начале сентября все шло своим чередом, если не считать того, что зонт Квентину не понадобился. Фигуры садовников поместья Майфлит окутывал золотистый туман, предвещавший чудесный день. Квентин спустился по каменным ступенькам парадного крыльца и ненадолго задержался у кустов — напомнить Уиллу Палмеру, что пора подкормить махровые хризантемы, которые они выращивали для выставки цветов в Кингсмаркхэме. Затем пошел по дорожке во внутренний двор между старыми каретными сараями, где его

ждала машина, ветровое стекло которой только что тщательно протер Шон Ловелл.

«Еще рано», — подумал Квентин и не стал садиться в машину, а подошел к невысокой стене и окинул взглядом долину Кингсбрук. Пейзаж, как всегда, радовал глаз. Других домов почти не видно, только луга — зеленые и недавно скошенные, отливавшие бледным золотом; извилистая тоненькая река под пологом из ив; низкие округлые холмы с венчиками деревьев на вершинах, а там, слева, по другую сторону дороги, огромный сосновый лес. Он укрывал целую гряду холмов и этим туманным утром походил на темный бархатный плащ, небрежно брошенный на пейзаж. Квентин всегда был неравнодушен к лесу, всегда подыскивал для него романтические метафоры. Иногда он видел перед собой не лес и не бархатный плащ, а прикинувшего к земле зверя, который охранял спящие поля, а расходившиеся в разные стороны посадки представлялись ему раскинутыми лапами, мощными и надежно защищавшими от беды.

Квентин перевел взгляд на свой парк, потом на пространство перед домом с ровными, окутанными туманом лужайками и многочисленными розами, поблекшими в утренней дымке. «Не срезать ли розу «Айсберг» или «Суперстар»?» — подумал он, как вдруг почувствовал прикосновение пальца к плечу и услышал спокойный голос:

Все, что природа сотворила,
Жило в ладу с моей душой.
Но что, — подумал я уныло, —
Что сделал человек с собой?¹

¹ У. Вордсворт. «Строки, написанные раннею весной». (Перевод И. Меламеда.)

— Доброе утро, Дэнис, — улыбнулся Квентин. — Не слишком жизнерадостная цитата для такого чудесного утра. Вордсворт, да?

Дэнис Виллерс кивнул.

— Если мне грустно, — сказал он, — то лишь по одной причине. Через два дня начало семестра, и придется отложить работу до самого Рождества. Кстати, я тебе кое-что принес. — Дэнис открыл портфель и достал книгу, новую, блестящую, вероятно, только что из типографии. — Сигнальный экземпляр, — пояснил он. — Я подумал, тебе будет приятно.

Лицо Квентина вспыхнуло от удовольствия. Он прочел название: Дэнис Виллерс, «Влюбленный Вордсворт», а затем, едва сдерживая волнение, открыл страницу с посвящением и вслух прочел:

— «Моему зятю, Квентину Найтингейлу, истинному другу и покровителю». О, Дэнис, как чудесно! Я чувствую себя Саутгемптоном¹.

Виллерс криво улыбнулся, что случалось крайне редко.

— Единственный вдохновитель этих очерков, мистер К. Н... — Он нахмурился, словно сердясь на себя за слабость. — Надеюсь, тебе понравится. Ну, у меня дела, да и тебе пора...

— Да, поеду. Береги себя, Дэнис. Жду не дождусь, когда вернусь домой и смогу приступить к чтению. — Квентин похлопал по книге, потом по плечу Виллерса и отвернулся.

Дэнис открыл калитку в стене вокруг Старого дома и ступил на тенистый, заросший липами и

¹ Квентин в шутку сравнивает себя с Генри Ризли, 3-м графом Саутгемптон (1573—1624), покровителем У. Шекспира, которому, по предположению специалистов, поэт адресовал свои великие сонеты.

кипарисами двор, куда никогда не заглядывало солнце. Квентин, все еще улыбаясь, сел за руль, положил подарок на соседнее сиденье и поехал в Лондон.

Элизабет Найтингейл прихорашивалась целый час, прежде чем явить себя миру. Она стремилась создать впечатление безыскусной юности, безупречной чистоты и свежести. Легкий макияж и небрежная тщательность — или тщательная небрежность — в одежде. Никто не давал ей больше двадцати пяти. «Ах, — часто повторяла Элизабет своему отражению в зеркале, — видели бы они меня в двадцать пять!» А иногда прибавляла, что времени теперь тратишь вдвое больше, а выглядишь вдвое хуже.

Не изменяя своим демократичным привычкам, утренний кофе она выпила вместе с прислугой на кухне. Два садовника расположились по краям стола, а Элизабет села напротив Катье Доорн. Миссис Кэнтрип пила кофе стоя, не прекращая раздавать указания.

— Если ты увидишь этого Элфа Тоуни, Уилл, напхни ему, что на сегодняшний вечер мне нужен цыпленок, и я хочу получить его утром, а не за пять минут до того, как мадам сядет ужинать. Убери локти со стола, Шон. Сколько раз тебе повторять... А ты, Кетчер, когда допьешь кофе, снеси чашку мистеру Виллерсу. Не то он подумает, что мы все умерли, — это факт. И ради всего святого, выключи радио. Мадам делать больше нечего, как слушать этот грохот.

— Почему же. Мне нравится поп-музыка, миссис Кэнтрип, — возразила Элизабет.

Шон поднял голову.

— По вам сразу видно, — сказал он, — что вы не зануда.

— Как можно так разговаривать с мадам! — Миссис Кэнтрип была шокирована.

— Для меня это большой комплимент, — возразила Элизабет.

Смуглое лицо Шона вспыхнуло от удовольствия, и он улыбнулся своей гранатовой улыбкой — ровные белые зубы сверкнули между алых губ. Вдохновленный благосклонностью хозяйки юноша посмотрел сначала на миссис Кэнтрип, затем на Уилла Палмера. Катье захихикала, но ее Шон проигнорировал.

— Вы, старики, все одинаковые, — заявил он. — Завязли в заезженной колее.

— Твоя колея — сад, и тебе не стоит об этом забывать. Все равно никогда не станешь одним из этих новомодных певцов.

— Почему это? — Агрессия Шона быстро сменилась отчаянием. — Я должен попробовать, просто обязан. Я уже сказал своей старухе, что время поджидает — в апреле мне стукнет двадцать три. Представляете, если «Битлз» ждали бы до двадцати трех лет, прежде чем начать?

— И что? — переспросила миссис Кэнтрип. — В мире было бы гораздо тише — это факт.

— Не волнуйся, Шон, — ласково улыбнулась Элизабет. — Ты же знаешь, я обещала. И не забуду. — Шон страстно закивал, не отрывая от Элизабет восхищенного взгляда. — Послушай, Уилл, у мистера Найтингейла есть костюм, который он уже не носит и который может тебе подойти. И раз уж речь зашла о подарках, я собрала посылку для твоей матери, Катье. Немного печенья, какого не

купишь в Голландии. Найдешь ее на столике в холле вместе с моим пакетом. Тебя не затруднит отнести их на почту?

— Мадам суший ангел, — сказала миссис Кэнтрип, когда Элизабет ушла. — Стыд и позор, что таких мало на свете.

Катье хихикнула.

Туман рассеялся, и комнаты Майфлит Мэнор были залиты светом — резким светом позднего лета, в котором видны малейшие следы пыли. Но миссис Кэнтрип и Катье стояли на страже, и пыли в доме не было. Элизабет переходила из комнаты в комнату, ступая по мягким, залитым солнцем коврам, проверяла свежесть цветов в бронзовых чашах и розовых вазах китайского фарфора, изредка раздвигала шторы, чтобы защитить нежный старинный шелк от солнца. Из окна спальни она смотрела, как Катье пересекла улицу деревни Майфлит, держа в пухлых ладонях две посылки: одну в Голландию, другую в Лондон. Элизабет вздохнула. Почти все друзья и слуги связали бы ее вздох с тем, что Катье оставила широко открытыми обе створки ворот из кованого железа, украшенных стоящими на задних лапах крылатыми драконами, морды которых соединялись там, где висел замок. На белой, ярко освещенной поверхности дороги подвижная, слегка деформированная выпуклостью посылок тень Катье выглядела черной.

Элизабет спустилась и закрыла ворота. Потом села в свой «Лотус» и поехала сначала в Куинс Уотерфорд, чтобы обсудить с леди Ларкин-Смит подготовку к танцам в загородном клубе, затем в Помфрет, чтобы получить от миссис Роджерс вы-

ручку от благотворительных сборов на лечение раковых больных, и, наконец, в парикмахерскую в Кингсмаркхэме. Она опустила стекла в машине, сложила верх, и ее светлые локоны цвета примулы развевались во встречном потоке воздуха, как мягкие, похожие на пух чертополоха волосы на голове маленькой девочки.

В половине второго миссис Кэнтрип подала ленч в столовой. Статус Катье давал ей право садиться за стол с хозяевами, но в отсутствие Квентина Найтингейла она почти не разговаривала. Женщина и девушка съели спаржу, ветчину и ежевичный пирог в молчании, которое прерывалось редкими замечаниями Элизабет, хвалившей еду. Когда они закончили, Катье сказала, что предпочитает пудинг чиполата.

— Ты должна научить миссис Кэнтрип его готовить.

— Может, я учу ее сегодня после ленча. — Катье не давались времена глаголов, и она обо всем говорила в настоящем времени.

— Отличная идея!

— Один раз пробуете — и больше не хотите ежевичного пирога. — Катье принялась пальцем выковыривать застрявшие между зубов зернышки ежевики.

— Это мы еще посмотрим. А теперь я собираюсь отдохнуть. Если кто-то придет или позвонит, меня не беспокоить.

— Я помню, — кивнула Катье.

— Куда ты собираешься сегодня вечером?

— Я встречаюсь с парнем в Кингсмаркхэме, и мы, наверное, идем смотреть кино.